

Вторая работа из этой группы — статья Ю. Е. Березкина «Мифология индейцев Латинской Америки и древнейшие фольклорные провинции (Анализ одного мифологического сюжета)» — поднимает важный и сложный вопрос о значении анализа мифов для исследования древнейшей этнической истории индейцев Латинской Америки. Автор правильно отмечает, что полученные им данные не окончательны, что они должны рассматриваться в совокупности с другими фактами лингвистического, этнографического и археологического характера. В то же время следует отметить, что выдвинутая автором гипотеза относительно широкого распространения мифов о герое-мстителе имеет все права на существование. Публикуемые автором карты бытования подобных мифов, равно как и древние изображения, возможно, иллюстрирующие мифы о героях-мстителях, удачно дополняют исследование. Следует всемерно поддержать инициативу автора, указавшего основную литературу по теме статьи (кроме той, что упомянута в примечаниях).

Третья статья — А. Л. Налепина «Проблемы реконструкции мифологических систем (Работы Дж. Д. Кёртина)» — глубокое историографическое исследование, посвященное видному американскому этнографу и фольклористу. Автор подробно изложил метод, применявшийся Кёртином при исследовании мифологических систем, показал его преимущества и верно определил его ограниченность: при всех достоинствах метода Кёртина он, конечно же, не универсален, хотя отдельные наблюдения и выводы этого крупного американского этнолога заслуживают самого серьезного внимания. Заслуга А. Л. Налепина в том, что он извлек из небытия этого интересного ученого, много сделавшего для ознакомления Америки с русским фольклором. Метод Кёртина должен быть учтен теоретической мыслью фольклористики.

Сборник завершает статья В. П. Алексеева «О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений». Автор ставит новую в исторической этнографии проблему перенесения на этнографический материал метода дифференцированного синхронного и диахронного подхода. Этот метод, заимствованный из лингвистики, позволяет В. П. Алексееву сделать вывод, что одно синхронное сравнение не может дать точных и бесспорных данных. В то же время и возможности диахронного сравнения, ограниченного узкими хронологическими рамками, также весьма скромны. Выход же за рамки системных структур (таких, как народ или группа родственных народов), по мнению автора, приводит к субъективизму. Что же касается фольклорного материала, то его изучение осложняется своеобразием фольклора как исторического источника, требующего разработки специфических методов исследования.

В целом сборник производит хорошее впечатление. Опубликованные в нем материалы будут полезны историку и этнографу, фольклористу и археологу, филологу и антропологу. Особенно привлекает то, что, как уже было сказано выше, многие статьи характеризуются источниковедческим подходом к изучаемому материалу. Следует заметить, что из основных семи типов исторических источников фольклор — один из наименее изученных именно с источниковедческой точки зрения. Это давно уже отмечено в нашей историографии источниковедения. Встает вопрос: а не настало ли время Институту этнографии АН СССР подумать о создании специального сборника статей, посвященных анализу фольклора с источниковедческой точки зрения? Ведь имеется всего несколько статей, поднимающих эту проблему, но отнюдь не ее решающих. Источниковедение русского фольклора и — шире — фольклора народов СССР и мирового фольклора — область, почти не исследованная. Выход в свет рецензируемого сборника свидетельствует о том, что в Институте этнографии АН СССР сложился достаточно опытный и зрелый коллектив, которому под силу взять на себя разработку этой большой и нужной проблемы.

Л. Н. Пушкарев

НАРОДЫ СССР

В. В. Седов. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982. 325 с. с илл.

В ближайшее время историческая наука обогатится еще одним фундаментальным изданием, посвященным древней и средневековой истории нашей Родины, — 20-томной «Археологией СССР». Пока вышли только три тома, остальные 17 готовятся к печати.

Настоящая рецензия касается одного из томов издания, написанного В. В. Седовым, — «Восточные славяне в VI—XIII вв.» (отв. редактор акад. Б. А. Рыбаков)¹.

Археологические материалы по истории восточного славянства VI—XIII вв., хранящиеся в фондах многих научных учреждений и музеев страны, собирались несколь-

¹ Настоящей монографии предшествует целый ряд работ В. В. Седова, посвященных происхождению и истории восточных славян: Седов В. В. Кривичи. — Сов. археология, 1960, № 1; *его же*. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VII—XV вв.). М.: Наука, 1960; *его же*. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970 (МИА, № 163); *его же*. Анты — В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978; *его же*. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.

кими поколениями ученых и краеведов на протяжении 150 лет. В рецензируемой книге эти материалы впервые охватывают весь избранный для изучения период, они четко систематизированы и получили историческое осмысление на современном уровне науки. Данные археологии и смежных наук позволили автору, насколько это возможно, восстановить конкретную историю каждого из 12 племенных союзов восточных славян, рассмотреть пути их расселения, проанализировать тесные культурные связи с финно-угорским и балтским населением.

В монографии в сжатой, но очень насыщенной материалами форме освещены многие проблемы этнической истории восточных славян, условия сложения древнерусской народности, зарождения дружинного сословия и раннефеодальных городов, публикуются новые данные по славянскому язычеству.

Огромный хронологический диапазон данного исследования неизбежно повлек за собой и его значительный объем: всего в книге более 50 печ. л. (325 с. текста, 70 таблиц графического материала, 20 рисунков, 8 цветных таблиц, последние почему-то без нумерации, 38 карт). Книга снабжена большим справочным материалом — библиографией (источники, исследования и публикации) и указателями: именовым, географическим и этнокультурным.

Исследование открывается введением, в котором автор излагает общие сведения о восточных славянах, к VIII—IX вв. широко расселившихся на Восточно-Европейской, или Русской, равнине («восточные славяне — понятие не географическое, а этноисторическое» — с. 5). Базируясь на данных лингвистики, автор утверждает, что «история восточного славянства начинается с того периода, когда из общеславянского (праславянского) языка стал выделяться самостоятельный восточнославянский язык» (с. 5).

Книга состоит из трех больших разделов. Часть первая — «Славяне Восточной Европы V—VII вв.» посвящена периоду, непосредственно предшествовавшему сложению восточного славянства. Во второй части — «Восточнославянские племена в составе древнерусской народности» дана история племенных групп восточных славян, известных по русским летописям; характеризуются условия их расселения и формирования, анализируется процесс взаимодействия их с неславянским населением Восточной Европы. Третья часть книги — «Общие вопросы восточнославянской археологии» — посвящена социально-экономической истории восточных славян, условиям сложения древнерусской народности, русской дружине, а также славянской языческой религии по археологическим данным. Последние разделы написаны особенно живо и интересно.

Каждый раздел в свою очередь делится на отдельные главы. В книге их всего 12.

Первая глава посвящена раннеславянским памятникам южной части Восточно-Европейской равнины, куда входят культуры, объединенные автором в две большие группы: пражско-корчакскую и пражско-пеньковскую.

Основным критерием, позволившим выделить эти культуры, явилась славянская керамика третьей четверти I тысячелетия н. э. Важными этническими признаками культуры славян были также приемы домостроительства и погребальный обряд. Для устройства своих поселений, которые в то время были еще не укрепленными, славяне выбирали территории, пригодные для земледелия и пастбищ, что говорит о сельскохозяйственно-скотоводческом облике их хозяйства.

Памятники пражско-корчакского типа выявлены и исследованы на обширных пространствах от Верхней Эльбы до Киевщины. В рецензируемой книге дана исчерпывающая историография изучения этих древностей как на восточнославянской территории, так и за рубежом. В Советском Союзе подобные славянские древности известны в южной части Припятского бассейна, на Тетереве, в верховьях Буга, Днестра, Прута и в Закарпатье.

По одному из первых изученных поселений в Припятском Полесье, у с. Корчак Житомирской области, эти памятники получили название корчакских. В последние десятилетия исследованием этой культуры успешно занимается И. П. Русанова. Бесспорным свидетельством того, что данная культура оставлена именно славянским населением, является ее генетическое родство с древнерусской культурой последующего времени.

Вторая большая этнокультурная группировка славян получила название по исследованным поселениям в районе с. Пеньковка на Тясминь. Особенности данной культуры проявляются в своеобразной керамике, домостроительстве и обрядности.

Пражско-пеньковская керамика распространена на поселениях Днестра и его притоков, от устья Роси до Запорожья в бассейне Южного Буга и в междуречье Днестра и Прута. Проникает она и в днепровское лесостепное левобережье. Славянские памятники известны в нижнем течении Сулы, Псла, Ворсклы и Орели. Если пражско-корчакская этнокультурная группа славянства связывается автором со «славянами» древних авторов (Иордан), то вторая — пражско-пеньковская — с антами.

Значительный интерес представляет характеристика культур Верхнего Поднепровья и смежных областей третьей четверти I тысячелетия н. э. — памятников колючинской, тушемлинско-банцеровской и мощинской групп.

Население, заселявшее в то время Верхнее Поднепровье, Полоцко-Витебскую часть Западно-Двинского бассейна и Верхнюю Оку, не было еще славянским, а принадлежало к близкородственной балтской языковой группе. «Через некоторое время это население в результате внутрорегионального взаимодействия со славянами вошло в состав восточнославянских племенных союзов и древнерусской народности. Таким образом, племена, оставившие колючинские, тушемлинско-банцеровские и мощинские древности, были прямыми физическими предками части восточного славянства» (с. 29).

Далее рассматриваются культуры северных территорий, куда входят длинные кур-

ганы кривичей, расположенные в бассейнах р. Великой, Псковского озера, в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, а также сопки новгородских славян. В свое время В. В. Седов посвятил этим культурам специальные монографии. В рецензируемой книге излагаются результаты его исследований с учетом новейших материалов.

Наиболее интересными и оригинальными в разделе «Восточнославянские племена в составе древнерусской народности» являются выводы В. В. Седова относительно дулебов. «Летописными дулебами... была та часть носителей культуры пражско-корчакского типа, которая расселилась на Волыни и в правобережной части Среднего Поднепровья. Специфически дулебской,— полагает В. В. Седов,— была культура типа Луки-Райковецкой, но только внутри ареала пражско-корчакской керамики» (с. 92). Дулебы составляли какую-то часть славен-склавеннов Иордана. Расшифровывая эту единую племенную группу восточного славянства третьей четверти I тысячелетия н. э., В. В. Седов приходит к заключению, что ее составляющими были будущие летописные древляне, волыняне, поляне и дреговичи (в X—XII вв. они имели и одинаковые височные кольца, и однотипные прочие украшения).

Далее дается развернутая картина истории каждого из названных племен, подкрепляемая картами их расселения и таблицами, характеризующими культуру каждого из них.

Важным представляется краткий очерк о трех племенах юго-западной окраины Восточной Европы — хорватах, тиверцах и уличах. Первые обитали в Верхнем Поднепровье, Северной Буковине и Украинском Закарпатье, вторые — в более южных районах Поднепровья, третьи — в междуречье нижнего Днестра и Днепра.

Один из разделов книги посвящен северянам, радимичам, вятичам и донским славянам. Согласно В. В. Седову, большая славянская группировка, расселившаяся одновременно в VIII в. на широкой территории Восточно-Европейской равнины, положила начало распространению роменской культуры в днепровском левобережье, борщевской на Дону и близкой к ним славянской культуры на верхней Оке; в результате здесь образовались три локальные группы славян. Однако это еще не были племена, известные по «Повести временных лет».

Сложение северян явилось результатом взаимодействия носителей роменской культуры с местным населением. Предшественниками славян здесь были ираноязычные этнические группы. Вслед за лингвистами В. В. Седов считает, что последние именовались «северами» (летописное «север») от иранского *seu* — черный. Это население растворилось среди славян, которые и восприняли старый этноним (с. 138). Ареал летописных северян был в свое время очерчен Б. А. Рыбаковым: это среднее течение Десны, бассейн Сейма и верховья р. Сулы. Города Северянского региона — Новгород Северский, Севск, Путивль, Рылск.

Славянская культура VIII—X вв. в бассейне Верхнего Дона получила название борщевской.

Говоря о вятичах, территория расселения которых охватывает бассейн верхнего и среднего течения Оки и поречье Москвы, автор дает обширную историографию работ, посвященных изучению этого племени, освещает письменные и археологические источники, приводит карты вятичских древностей VIII—X и XI—XIII вв.

Крупнейшим исследователем курганов вятичей был А. В. Арциховский. Ему принадлежит заслуга введения в научный оборот огромного вещевого материала курганов, детальная их хронологическая классификация, выделение характерных племенных признаков, определение племенной границы вятичей. Наиболее важными, этнически определяющими для вятичей предметами являются семилопастные височные кольца. На основании их распространения В. В. Седовым уточнены пределы вятичского племенного региона (карта 21, с. 143). Наиболее ранними погребальными сооружениями вятичей были курганы с трупосожжениями, совершенными на стороне.

Курганам с трупосожжениями вятичей ранее была посвящена специальная статья В. В. Седова; подробнее они рассматриваются также в вышедшей недавно книге автора настоящей рецензии². Курганы с трупосожжениями датируются VIII—X вв., однако обряд кремации доживает у вятичей до рубежа XI—XII вв., некоторое время сосуществая с обрядом труположения.

Вятичские поселения VIII—X вв., селища и городища, как и их погребальные сооружения, сосредоточены главным образом в самом верхнем течении Оки.

В. В. Седов показывает, что в самом начале VIII в. на Верхнюю Оку — территорию, занятую голядью, с юго-запада пришла группа славян, предводителем которой был летописный Вятко (уменьшительное от праславянского антропонима Вячеслав). «Эта группа еще не была, по-видимому, отдельной этнографической единицей славянства. Только изолированная жизнь на Оке и метисация с балтами привели к племенному обособлению вятичей» (с. 148).

Недавно вышло в свет фундаментальное исследование акад. Б. А. Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» (М.: Наука, 1982). В этой книге Б. А. Рыбаков вновь произвел тщательный и скрупулезный анализ источников о Руси и славянах восточных авторов, в частности «Худуд-ал-Алем» («Области мира»), — книги, созданной, по мнению исследователя, в первой половине IX в. безымянным автором из Бухары, названным Б. А. Рыбаковым Анонимом. Восточным авторам были хорошо известны земли восточных славян, в частности вятичей — «Земля Вантит», столицей которой, по предположению Б. А. Рыбакова, был г. Хордаб (Хурдаб), распо-

² Седов В. В. Ранние курганы вятичей. — КСИА, 1973, вып. 135, с. 10—16; Никольская Т. Н. Земля вятичей. М.: Наука, 1981.

ложенный где-то в верховьях Оки (летописный город Корьдно). К сожалению, пока трудно сказать, с каким древнерусским поселением в Земле вятичей можно идентифицировать это название.

Следующим племенем Юго-Востока, культура которого обстоятельно охарактеризована В. В. Седовым, являются радимичи, обитавшие в бассейне Нижнего и Среднего Сожа и междуречье Сожа и Днепра. Их этноопределяющим признаком являются семилучевые височные кольца.

Автор отмечает, что в монографическом исследовании по истории этого племени Б. А. Рыбаковым дана исчерпывающая научная систематизация материалов радимичских курганов и установлена их эволюция во времени (X—XII вв.). Вместе с тем В. В. Седов полагает, что «переселение славян (скорее всего из области Верхнего Поднестровья) в летописный ареал радимичей произошло в VIII в. Радимичская культура в Посожье сложилась на месте в результате синтеза культуры славян-пришельцев с культурой предшествующего населения» (с. 157).

Очень интересна и насыщена материалом глава, посвященная племенам Севера. В ней рассматриваются огромный племенной союз кривичей (смоленско-полоцких, псковских и верхневолжских), словене новгородские, а также славянское население Волго-Клязьменского междуречья, отличающееся от них некоторыми локальными особенностями. Многочисленные и детально классифицированные памятники каждой из этих племенных групп картографированы (карты 25—36), благодаря чему читатель получает полное представление о расселении славян на обширной территории Севера, о различных деталях их погребального ритуала и инвентаря.

Заключительная часть книги касается общих вопросов восточнославянской археологии. Здесь рассматриваются хозяйство и общественный строй славян в VI—IX вв., дается обзор дружинных древностей, свидетельствующих о зарождении в восточнославянской среде раннефеодального сословия. Интересны наблюдения и обобщения автора об одежде славян Восточной Европы VI—IX вв. При характеристике археологических материалов по славянскому язычеству впервые дается систематизация святилищ, которые дифференцируются на крупные племенные и небольшие местные, обслуживающие одно или несколько поселений.

Далее автор решает вопрос о сути понятий «восточнославянские племена» и «древнерусская народность».

Рассмотрев существовавшие ранее разные точки зрения на вопрос о том, что собой представляли восточнославянские племена «Повести временных лет», автор на основе материалов, исследованных в предшествующих разделах книги, утверждает, что эти племена являлись не только этническими группами восточного славянства, но и до сложения древнерусского государства были также политическими образованиями, т. е. племенными союзами. Постепенно «славянские племена, занявшие обширные территории Восточной Европы, переживают процесс консолидации и в VIII—IX вв. образуют древнерусскую (или восточнославянскую) народность. Ведущая роль в сложении этой народности, по-видимому, принадлежит древнерусскому государству». Начало ее формирования по времени совпадает с процессом складывания русского государства. Территория древнерусского государства совпадает с ареалом восточнославянской народности. «Возникновение раннефеодального государства с центром в Киеве активно содействовало консолидации славянских племен, составивших древнерусскую народность. Русской землей, или Русью, стали называть территорию древнерусского государства» (с. 272).

Автор подчеркивает, что сложение древнерусской государственности и народности сопровождалось бурным развитием экономики и культуры. «Строительство древнерусских городов, подъем ремесленного производства, развитие торговых связей благоприятствовали консолидации славянства Восточной Европы в единую народность. В результате складывается единая материальная и духовная культура, что проявляется почти во всем — от женских украшений до архитектуры» (с. 273).

Книга написана в основном на археологических материалах, но она представляет несомненный интерес и для этнографов. Большое внимание уделяется характеристике восточнославянских племенных группировок. Именно выделение и анализ этнографических особенностей в области женских украшений и погребальной обрядности позволили восстановить детальную историю каждой из племенных группировок восточного славянства на протяжении нескольких столетий, показать их взаимодействие как между собой, так и с балтским и финно-угорским населением.

При рассмотрении этнографических особенностей славянского домостроительства выделяются две группы: жилища лесной зоны, ставшие основой севернорусских изб, и полужемляночные постройки, явившиеся прототипами южнорусских жилищ и украинских хат. Устанавливается, что в основе этих групп лежит членение славянства в середине I тысячелетия н. э. на славян и антов.

В системе аргументации историко-культурных выводов большую роль играют карты, прежде всего картографирование этнографических элементов культуры восточного славянства и его составных частей — летописных племенных группировок.

В короткой рецензии, к сожалению, невозможно одинаково подробно остановиться на всех проблемах, рассмотренных автором в таком объемном труде.

Рецензируемая книга В. В. Седова «Восточные славяне в VI—XIII вв.» принесет огромную пользу всем историкам, археологам и этнографам в их дальнейших научных изысканиях, преподавателям истории вузов и средних школ, музейным работникам, студентам исторических факультетов и всем, кому дорого славное историческое прошлое нашего народа.

Т. Н. Никольская